

И. А. ДЕРГАЧЕВ
Свердловск

ФОЛЬКЛОР В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Высокие оценки творчества Мамина-Сибиряка «Правдой», Горьким, Чеховым широко известны. В них самым решительным образом утверждается мысль о его народности. «Писателем во истину русским» назвал Мамина Горький, включая в это суждение «кровную связь с народом», дающую «красоту и силу», и общественную функцию литератора, книги которого «помогли понять и полюбить русский народ, русский язык»¹. О силе народности Мамина-Сибиряка говорил на много лет раньше В. И. Ленин, отметивший, что в «произведениях этого писателя выступает особый быт Урала»². В свете ленинской теории отражения понятно, что речь идет здесь не только о характере действительности, отображенной писателем, но и о том, что она во многом определила угол зрения, выступила ярко и рельефно в его творчестве, помогла выразить особенности социальной психологии основных групп трудящихся, складывавшихся на Урале после реформы 1861 года.

Для всех передовых современников были очевидны его выдающаяся талантливость, демократизм, сила народности, коренящаяся в особых его отношениях к трудящимся людям. Органическое родство Мамина с народом наиболее глубоко почувствовал Чехов, заметивший проявление во всем его творчестве черт человека труда и воли³.

Для многих критиков 1890—1900-х годов Мамин-Сибиряк так и остался талантливой величиной, место которой в истории русской литературы, однако, определить трудно. Наиболее близко подошла к «секрету» его творчества Е. Колтоновская, которая заметила, что оно не укладывается в привычные рамки искусства России, как ей казалось, почти исключительно интеллигентского. И на этот раз близость писателя к мышлению и настроениям народным была отмечена критиком как определяющая все особен-

¹ А. М. Горький. Собр. соч., В 30 т. Т. 29. М., 1955, с. 277.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 488.

³ А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1954, с. 285—287.

ности творческого лица стихийно талантливому и народному писателю⁴.

Глубокая народность русских литераторов часто находила выражение в обращении их к фольклору, в высокой оценке его значения в структуре собственного творчества. У Мамина-Сибиряка народнопоэтическая система стала составной частью его художественной системы, образовав своеобразный сплав принципов: тех, которые выработаны в ходе развития русского реализма, и тех, которые характерны для фольклора с его собственной эстетикой и поэтикой.

Внимание писателя к народному творчеству, атмосфера, в которой сложились его фольклористические интересы и выработались эстетические взгляды, оценки жанров фольклора — все уже было в поле зрения исследователей⁵, что позволяет не останавливаться на этом вопросе, хотя многие материалы еще не осмыслены и даже не учтены.

В настоящей статье рассматривается лишь структурно-функциональная роль народнопоэтического творчества в художественной системе писателя-реалиста.

1

В произведениях Мамина-Сибиряка на темы народной жизни фольклорный материал входит как существенная деталь быта, как факт духовной жизни простого человека, т. е., прежде всего, как элемент жизненного содержания, ставшего отправной точкой художественного образа или художественного целого. Естественно, что, строя образ действительности, в которой обнаруживается известная роль фольклора, писатель-реалист вводит народное творчество в структуру этого образа.

Писатель отмечает ту или иную роль фольклорных жанров в труде и быте народа. В неопубликованном рассказе «Легкая рука»⁶, где изображен сплав барок, поется трудовая песня: «Что, ребята, припотели, али выпить захотели?». О подобной же песне говорится в более позднем рассказе «Я... Я... Я...» и цитируются ее слова. Автор отмечает «шутки и прибаутки», без которых «не работает русскому человеку» («Золотуха»). Эту же особенность

⁴ Е. Колтоновская. В стороне от главного русла.—«Вестник Европы», 1913, № 2.

⁵ См.: М. Китайник. Д. Н. Мамин-Сибиряк и народное творчество. Свердловск, 1955; В. П. Кругляшова. Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск, 1967; И. Дергачев. Заметки о стиле Д. Н. Мамина-Сибиряка.—«Южный Урал», 1952, № 8—9; И. Дергачев. Фольклоризм ранних рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка.—В сб.: Русская литература 1870—1890-х годов. Вып. 3. Свердловск, 1970; И. Дергачев. Настоящее народное поэтическое слово.—«Урал», 1962, № 11; Б. Удинцев. Фольклор в записных книжках Д. Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск, 1966; Н. Кравцов. Русская проза второй половины XIX века и народное творчество. М., 1972.

⁶ ГАСО, ф. 136, оп. 1, д. 1.

замечает писатель, рассказывая об опытном сплавщике в очерке «В камнях»: «Из-за белых зубов Окини так и сыплются бесконечные шуточки, прибауточки, пословицы и присказки».

Его бесшабашные герои, чувствующие удаль и по-своему несогласные с социальным укладом, поют песни сатирического характера: «Как по реченьке быстрой Становой едет пристав» («Летные») или «Как сибирский генерал Станового обучал» («Золотуха»). В «Золотухе» же поется «проголосная русская песня» «Между го-ор-то было да Енисейских гор». Рассказчик слышит и объяснение о происхождении песни, ее приурочении к определенному историческому лицу. Здесь же упоминается тюремная песня «Уж ты сад ли, мой сад». Снова писатель идет к «истокам» ее, отмечая реальную ситуацию, которая породила песню.

Мамин-Сибиряк замечает, что «вольный» труд на покосах приводит к поэтическому оживлению, и тогда «по вечерам на десятки верст несутся веселые песни» («Лес»). Праздники на приисках тоже не обходятся без песен: «приходили девки и заводили» хороводные песни», — сообщается в «Первых студентах». В качестве вывода звучит следующее наблюдение писателя: «Без песен русский человек не умеет работать, а отдыхать тем более» («На шестом номере»).

Писатель не коллекционирует фольклорных раритетов, не стремится сгущать вставки фольклорного материала, не выстраивает их в особые ряды в связи с особыми «действиями», как, например, делал это Мельников-Печерский. Подчеркнуто рядовой быт насыщен фольклором. Очень естественно звучат рассказы легендарного характера в устах героев-сплавщиков в «Бойцах», старателей в «Золотухе», углежогов в рассказе «В глуши», добытчиков камня в рассказе «Драгоценный камень». Складывается представление, что подобные устные рассказы о былом, о приметах, об уголовных историях, о разбойниках, носящие элементы поэтики фольклора с моментом легендарности, — важная составная часть быта, часть духовной жизни народа, удовлетворяющего свои потребности в нравственно-эстетическом, социальном осмыслении жизни именно таким образом. Писатель включает фольклорные рассказы, предания и легенды или целиком, или же фрагментарно. Так, развернутый устный рассказ, построенный по законам народного сказа, встречается в «Бойцах», в рассказах «В болоте», «Клад» и др. В «Бойцах», как и в «Золотухе», таких вставных рассказов много. Повествуют о разбойнике, излагают историю о «вывороченном сюртуке» или о «черте, вселившемся в дьяконицу». В «психологическом этюде» «Лес» передается содержание «легенды» о Параше Кудрявой. Рассказ «Великий грешник» целиком построен как легендарная история разбойника.

Было бы, однако, неверным сводить все к известной полноте бытовой картины. Фольклорные цитаты не только обогащают знание о реальном бытии приисковых рабочих, сплавщиков, углежогов, но создают художественную глубину изображения жизни,

потому что вводят материал сиюминутного быта в окружение широкого понимания и переживания действительности в коллективном поэтическом опыте народа, уже по форме своей обобщенности вынесенном за пределы конкретного времени. Так, в «Золотухе» изображается, в ряду других картин, жизнь приисковых девиц, полная соблазнов, обмана, издевательств, жизнь тяжелая, когда даже малейшая ласка привлекает. Приисковая красавица Настя становится наложницей Фомки Беспалого. Тоскует любовница беспутного старателя Гераськи Марфутка. Избита Лукерья, виновная в том, что понравилась бесшабашному Есте, который в конце концов «увел» юную Парашку. «Обыкновенные» и тяжелые в своей обычности судьбы женщин предстают и в рассказе о том, как бабы «поучили» солдатку Маремьяну. События, приуроченные к определенному прииску и определенному времени, надстраиваются повествованием Зайчихи о трагической судьбе «крепко наблюдавшей себя» одной девчонки «в позапрошлом году». Рассказ о ней, естественно, втягивает в себя элементы поэтики устной словесности: характер типических обобщений («известно, с жиру бесятся», «другая за доброе слово с себя голову даст снять»), повторение действий («приставал, приставал»), градация в нарастании событий и др.

Писатель вводит исполнение Марфуткой песни «Мне ночесь, младшеньке, Не спалось да много виделось». «В словах и в самом мотиве «плачи» было столько безысходной тоски, глухой жалобы и нежной печали», — говорит писатель. Эта песня в «снягом», поэтическом виде обобщенно представляет глубинные страдания и затаенную нежность тех приисковых девиц, повествование о которых ведется в бытовом плане. Рельефно выступает потенция глубокого чувства, заключенная в душе женщины из народа, и те реальные определения ее судьбы, которые ведут к разврату, в стремлении «урвать свое» или к тяжелой семейной жизни в молчаливой покорности.

Соединение бытовой детализации, фактическая достоверность которой подчеркнута позицией автора, своеглазного наблюдателя народной жизни, с фольклорным выражением определенных сторон народного мировоззрения и психологии, строя чувств и эстетических представлений создает то ощущение эпического начала жизни, которое возникает при чтении «уральских» произведений Мамина-Сибиряка.

Развивая сюжет произведения, Мамин-Сибиряк широко использует вставные устные рассказы. Фольклорное по стилистике и поэтике сказовое повествование в этом случае приоткрывает своеобразие духовного мира и воззрений не только данного человека, но и вводит его, его представления, понятия о жизни в систему общезначимую, общенародную. Так, почти целиком все содержание рассказа «В болоте» уместено именно в тщательно построенный в духе фольклорных представлений рассказ о прошлом старушки, встреченной охотником. Исключительное значение

«устный рассказ» имеет также в рассказах «Клад», «Гроза», очерке «Золотуха» и некоторых других.

В самом деле, в «Золотухе» из фольклорных «вставок» мы узнаем об отношении трудового народа Урала к «разбойникам», об их вере в справедливость и всемогущество этих людей, о неприязни трудящихся к государству и его аппарату (в рассказе о «вывороченном скютуке»), о сатирическом осмеянии «верхов». Все это вводит частное поведение персонажей очерков, их конкретные отношения с социальными антагонистами в круг более широких, так сказать «типовых», зафиксированных и оцененных в фольклорном поэтическом сознании.

В некоторых случаях фольклорные «цитации» имеют сюжетное значение и помогают обнажить «многослойность» души простого человека. Такую роль играет исполнение Савоськой прогослосной песни в кабаке. Мы встречаем Савоську в ряде ситуаций, обнажающих различные стороны его личности. На берегу в Каменке — это пьяница, униженный человек, босяк. Однако в труде Савоська преобразается — это «орелко», человек, вызывающий своим мастерством, умением организовать «артель» восхищение сотоварищей, уважительно называющих его Севостьяном Ивановичем. И вот в исповеди этого героя, на которую вызвала его хватающая за душу и пробуждающая лучшие чувства песня, открываются глубины души этого человека, мучающая его трагедия и ясная чистота нравственных представлений «мужика».

Оставаясь приметами определенного быта, приоткрывая духовное богатство народа, отдельных его представителей, фольклорные мотивы и жанры, встречающиеся в произведениях Мамин-Сибиряка, одновременно служат задачам идейно-художественной организации целого, помогают создать необходимую перспективу и глубину постижения жизни.

2

Более сложной формой включения фольклора в художественную систему писателя-реалиста является его ориентация на некоторые общие этические и эстетические принципы народного искусства, использование им ряда особенностей художественных, поэтических структур, характерных для устной словесности.

Мамин-Сибиряк не только хорошо знал народное поэтическое творчество в его основных жанрах, в его живом бытовании, но глубоко чувствовал эстетическую и философскую специфику народного сознания, отложившуюся в поэтических содержательных формах.

Его собственная литературная деятельность была связана с признанием живой роли фольклора в жизни народа, развивалась на широкой основе фольклорного народного мышления. Писателя привлекало сочетание яркой, выразительной образности, присущей народному творчеству, со столь же свойственной ему спо-

способностью передать социально-коллективную оценку явления, возвести его в тип, обеспечить ценностную ориентацию человека в действительности.

Опора на народнопоэтическую память рельефно выступает в освещении Мамин-Сибиряком истории, в особенности истории Урала. Владея данными современной ему исторической науки, он вместе с тем корректировал систему понимания сю фактов с позиций «устной» исторической памяти народа.

Народная оценка истории Урала и Сибири лежит в основе таких интересных и заметных выступлений Мамина историка-публициста, как его очерки-письма «С Урала» и статьи, вызванные 300-летием завоевания Сибири, отмечавшимся в русской периодике.

Политической точке зрения, объясняющей колонизацию окраин российского государства мероприятиями центральной государственной власти, Мамин-Сибиряк противопоставляет своеобразие понимание этого важного и большого процесса в народной устной летописи — ряде фольклорных жанров, освещающих события проникновения русских людей на Урал и в Сибирь. Писатель показывает естественную для народа, «осевшего в горах», концепцию его собственного появления в необжитых местах не столько под эгидой государственной власти, сколько в противостоянии с ней, как результат сильного протеста против угнетения, нищеты и оскорбления веры. (С Урала. Подпись: Баш-Курт.—«Новости и биржевая газета», 1885, № 146, 160, 180; Покорение Сибири.—«Иллюстрированный журнал для детей старшего возраста», 1882, кн. 2, 3; Трехсотлетний юбилей завоевания Сибири.—«Русские ведомости», 1881, № 288). Мамин-Сибиряк во многом опирается на материалы, почерпнутые из сборника Кирши Данилова.

Так, начиная повесть «Семья и школа», повесть автобиографического характера, Мамин-Сибиряк рассказывает о колонизации Урала. Заселен он был, как говорится в повести, не Строгановыми или Демидовыми, а, независимо от них, «голубутвенными» людьми, которым «дым отечества приходился уж чересчур горьким». В рассказе «Красная шапка», напечатанном в журнале «Сын отечества», начало поселения на местах, позднее занятых заводчиками, также относится к более далеким временам и связывается с собственной инициативой различных людей, бежавших от «нестроения государства», от гонений на «старую веру».

С демократических трудовых позиций освещает Мамин судьбу башкирского населения, историческая память которого проявляется в песнях. Певец в «Горной ночи» обвиняет в зверском истреблении башкирского народа не русское трудовое население, а царских генералов. В очерках, посвященных этим кровавым страницам истории, Мамин-Сибиряк сумел выразить демократическое понимание событий с позиций русского и башкирского народа. Такая трактовка событий стала возможна только на основе зрело-

го и глубокого понимания поэтической народной истории, зафиксированной в преданиях, легендах и песнях как русских, так и башкир. Известно внимание Мамина к типу народных башкирских певцов, образы которых воссозданы писателем в рассказах «Байгуш», «Ак-Бозат», «Горная ночь», известные его рассказы на темы башкирского устного творчества «Баймаган» и др.

Но исторические фольклорные концепты определяли не только характер деталей или частных трактовок исторических событий. Они, можно смело сказать, лежали в основе художественного целого выдающихся произведений Мамина-Сибиряка, таких, например, как его повесть «Охонины брови».

Народное понимание войны под руководством Пугачева лежит в основе повести «Охонины брови», составляет не только основу ее общей исторической концепции, но и оказывает сильное влияние на художественную структуру повести, эпическая память народа определяет формы оценок, опирающихся на традиции поэтизации и героизации, заложенные в песенном фольклоре. Сами ценности здесь: удалство и молодечество, выражающие не только свойства личности человека, но и его приверженность к народному образу жизни, к народным этическим требованиям, ирония в отношении усторожского воеводы, убивающая смехом и делающая лицо ничтожным, мужественное и страстное пророчество рабочего, юмизм, разлитый вокруг образа дьячка Арефы (двух станов не бойца) — все почерпнуто в фольклоре, органически сливается с великолепно организованным авторским повествованием, которое ведется архаизованным языком, богатым фольклорными блестящими.

Фольклорная память используется Маминим и в тех случаях, когда он обращается к жанру городской легенды. Он ссылается на ее показания в очерках «Г. Екатеринбург», «С Урала», в романе «Приваловские миллионы». Он использует городские «слухи и толки», обрастающие легендарным материалом, кладет их в основу таких повестей, как «Доброе старое время» и «Верный раб». В том и другом случае Мамин в записных книжках сам указал устно-легендарный источник: «История Демидова-ревдинского» или «История ген. Глинки». И в том и в другом случае нет никаких письменных источников, которые могли бы быть использованы, и помета «история» приобретает здесь, так сказать, бытовой смысл, становится синонимом устного рассказа или устных рассказов. Как указывалось, легенды, лежащие в основе «Верного раба», развивают мотивы песни о Ваньке-ключнике.

Городская легенда создавалась в среде чиновничества, мещанства, в среде тех, кто носил емкое название «обыватели». Естественно, что в ее поэтике отразились и влияния уголовной газетной хроники, и литературы, но вместе с тем она втягивала в свой арсенал традиционные формы и принципы народной фольклорной поэзии. То, что эта легенда почти всегда была о стоящих выше той среды, в которой она создавалась, определяло дистанцию, а

взгляд снизу вверх неизбежно вызывал отсветы демократической оценки «верхов».

В «Добром старом времени» в рамку рассказа о сегодняшних событиях в жизни героев вставлена расцвеченная, психологически слегка усложненная легенда. Это усложнение помогает ввести материал легендарного типа в повествовательный литературный ряд без заметных «швов». Здесь Мамин-Сибиряк обрабатывает городскую легенду, подтягивает ее к уровню литературных произведений.

Широко используются Маминым мотивы песен, которые традиционно называются разбойничьими. На Урале слово разбойник, как хорошо объяснил сам Мамин-Сибиряк, было синонимом человека, вставшего в «вольные» отношения к крепостническому обществу и его государству. В песнях и многочисленных рассказах о таких разбойниках возникал образ героя, а сама лирическая атмосфера, создаваемая рассказом, была также очень различной и передавала истинную глубокую народную оценку разбойничества, сложности его, сложности положения этих людей. Песенное любование удалством «разбойника», явное сочувствие ему освещает образ «вольного человека», нарисованный Маминым в рассказе «Варваринский скит». В финале рассказа пойманный казаками и исправником Савка связанный лежит на телеге, которая доставит его в острог. Заключение повествователя, чувствующего шеловкость от того, что перед ним человек, которого лишили свободы, выражает обычное в устных рассказах о разбойниках, если они заканчиваются трагически, народное сострадание, смешанное с уважением.

Мамин-Сибиряк обратился к типу «вольного человека», пришедшего в его сознание из фольклора и подкрепленного живыми впечатлениями, несколько противоречившими фольклорным, в самых ранних своих рассказах и первом романе «В водовороте страстей». Собственно, рассказ «Красная шапка» представляет как бы парафраз на слова песни «Мне не жаль кудрей, да жаль головушки». Фольклорная поэтизация «своей воли» воспроизведена на основе устных рассказов о разбойниках в «Русалках». На материалах не непосредственных впечатлений, а народнопоэтического представления о разбойнике-мстителе создан образ Архипа Рублева, проходящий через весь роман «В водовороте страстей».

Мамин-Сибиряк в очерке «Разбойники» сам приоткрыл завесу над «разбойничьим» фольклором на Урале, рассказал, как он складывается, шлифуется, приобретает форму. Особенно интересно его замечание о трагическом и о наказанном зле, как оно сложилось в фольклоре о разбойниках. Это произведение писателя стража балладное понимание зла. Конкретное зло, причиненное беглomu, пытавшемуся сорвать репку, оказывается лишь формой возмездия за большее зло: мучительство и убийство детей. Непосредственно то зло не было наказано. Но общая спра-

ведливость торжествует. Коллективность сознания фольклора естественно связана с верой в неистребимость добра и в неизбежность наказания зла, поскольку добро и зло в отношении к отдельному человеку — вместе с тем добро и зло в отношениях социального коллектива. Наиболее ярко такое отношение к злу проявляется в «Озорнике», «Хлебе», «Старателях» и др. Так, самоубийство Галактиона, не подготовленное достаточно с точки зрения сюжетосложения обычного реалистического романа, представляет нравственную победу (не героя!), нравственное торжество в нашем отношении к разрушительной стихии капитализма.

3

Фольклорные эстетические принципы используются Маминым-Сибиряком не только в очерках и рассказах, но и в романах, что для подавляющего большинства русских романов нехарактерно.

Вторжение фольклорных эстетических принципов в столь удаленный от всех жанров фольклора жанр романа — убедительное свидетельство того, насколько органично входят в художественную систему писателя принципы фольклорной эстетики и поэтики.

Русская литература знала разновидность реалистического романа, которую обычно называют этнографической. Термин этот условен и не отражает истинного характера подобного типа романной формы. К роману Мельникова-Печерского приближается роман Мамина-Сибиряка «Дикое счастье». Тем не менее подходы к фольклору у того и другого писателя различны. У Мельникова-Печерского мы встречаемся со стариной, опоэтизированной фольклором. Включение в поэтический ряд служит утверждению коллективно признанной ценности. Шкала ценностей, полученная таким образом, служит для измерения современного состояния жизни средних сословий России. Формы этой жизни поэтически сближаются со старинными и оттого, по аналогии, сами становятся поэтически значительными.

В отличие от Мельникова, Мамин-Сибиряк в «Диком счастье» открывает не только прочность устоявшихся ценностных фольклорных представлений о семье, обязанностях человека, формах быта, но и связь их с опытом уходящим, социальным опытом, недостаточным для понимания многих сторон действительности сегодня. Таким образом, принцип коллективности родовой оценки и ценности остается, утверждается, но вводится идея развития. Сказывается внимание к историческому опыту рабочих уральских заводов. Мельников же выступает как сторонник приспособления к прочным и неизблемым устоям, хотя и видит изменения социальной жизни. У Мамина сами устои уже расшатаны, несостоятельны, определение движения возникает на почве социальной психологии. Оценки, к которым привыкли в патриархальной среде,

насквозь релятивны — демократическая критика времени и социальных отношений в связи с этим сильнее.

Фольклорные основы в романах Мамина-Сибиряка видны и там, где мы не встречаем ни большого количества «цитат» фольклорных жанров, ни разлитой на поверхности стихии народнопоэтической речи. Одновременно с «Диким счастьем» печатается роман Мамина «Горное гнездо». Этот роман развивает другие фольклорные начала, подчиняясь характеру материала.

В художественной концепции романа — на это указывали многие — мы ясно ощущаем противостояние двух социальных сил — хозяев и рабочих. В верхах тех, кто господствует, идет война. Под флагом защиты высоких национальных, земских, заводских, промышленных, трудовых интересов идет борьба за кусок пирога, за тепленькое место, за возможность «нащепать лучины из мужиков». Буффонадные декларации, столкновения, войны, маскарады выстраиваются в комедийный ряд.

Народ не занимает столь большого романного пространства. Он рисуется в его реальном состоянии: из разных людей, разного уровня тревоги и гнева, разного уровня холопства и забитости. Мастерские объединены общими интересами, и интересы эти не противоречат ни национальным, ни трудовым.

Когда мы утверждаем, что роман построен на столкновении этих сил, то пытаемся осмыслить его только в рамках художественной системы привычного для нас реализма, не обращенного к опыту фольклора. Здесь же народ, так сказать, продолжает уже не в эпических оценках, а в том смеховом народном отношении к «барам» (к их глупости, к их маскарадности и игре), которое пронизывает роман, организует его структуру.

Персонажем, объединяющим народную смеховую струю в романе с литературной сатирой и инвективой, является Прозоров с его иронией, постоянным обнаружением комизма мелочей, за которыми вскрывается в конце вся глубина трагизма жизни. Но мы заканчиваем чтение романа, получив двойное освещение действительности — смеховое, утверждающее неистребимость народных сил, и подкрепленное сознанием той неистребимости прямое утверждение громадной, вопиющей социальной несправедливости.

4

Фольклорность языка Мамина — самостоятельный вопрос. Здесь, следует заметить, писатель отличается от других демократов-реалистов самим подходом к речи героев и сочетанием ее с речью автора. Их взаимопроникновение создает особую интимную близость писателя и простого человека, причем основана она не на преклонении перед стихийной мудростью народа, не на головном признании прав «меньшого брата», а на демократическом уважении людьми друг друга, без заискивания, без высокомерия и чувства превосходства. В ряде случаев, как в «Хлебе», речевые

формулы, применяемые почти всеми героями, создают то неподвижное осмысление действительности, которое не позволяет правильно понять ее.

Мы пока не касались объяснения причин, которые вызвали к жизни подобный фольклоризм. Его нельзя объяснить ранним и хорошим знакомством писателя с богатством народной поэзии Урала. Это только необходимое условие для становления фольклоризма, но не причина.

Корни лежат в особенностях литературного развития в 80-е годы. На характере его необходимо остановиться хотя бы бегло. Развитие художественного метода передовой русской литературы в 80-е годы характеризуется заметным изменением принципов типизации, явным уменьшением внимания и интереса к генерализующим обобщениям, скрепляющим художественные образы, увеличением интереса к потоку жизни в его естественном течении, в сцеплении разнородных элементов.

В таком движении литературы сказывалось общее внимание к факту, к эмпирии, к опыту, к собственной ориентации в жизни, определялось оно и победой материалистического (в вульгарном варианте) взгляда на человека, осознание такой детерминированности личности, при которой она обусловлена не только в целом, но и в отдельных сторонах, поступках, реакциях.

При громадном внимании к эмпирической данности и при отказе оценивать действительность с позиций просветительской мысли, разумной, генеральной необходимо было найти что-то, что позволяло бы делать личную оценку достаточно объективной и общезначимой. Необходимо было найти общие ценности, которые могли бы составить точку отсчета на шкале личных ценностей.

Мамин-Сибиряк уважительно относился к голосам самой жизни, к мыслям и мнениям всех людей. Демократический голос любого человека для него был равнозначен и равноценен его собственному, писательскому. Истиной владеет не автор, не отдельный человек: она рождается из суммирования ряда точек зрения, являющихся аспектами оценки. Внимание к высказываниям людей из народа уже открывает дорогу внедрению фольклорного образа мысли, фольклорной формы выражения этой мысли. Но этого мало. Принципы типизации, которые складывались в 80-е годы, были в ряде своих параметров близки фольклорным. Фольклор непосредственно возводит яркий факт действительности в некий общезначимый, если он поддается пониманию в поэтической системе народного художественного мышления. Типизация в реализме идет не способом обобщения как образования понятия, а по-другому: уяснением внутреннего закона развития данного явления путем установления закона следования, порядка, соотношения явлений. Естественно, что близость к фольклорной системе определяет обращение к ней. Явление, случай служат для ориентации в жизни, если они воспринимаются в ореоле общего их значения.

Фольклорная типизация достигается путем введения этого случайного в некоторый поэтический ряд, осмыслением в формах коллективного нравственного художественного опыта. Родовым выражением коллективного социального опыта для Мамина был фольклор.